

благодаря книге Ивана Зурлова, ставших для нас живыми: Крыстю, Маузера, Стоянчо, Димо...

Читая книгу Ивана Зурлова, испытываешь совершенно то же чувство, которое охватывает советского человека, когда он приезжает в Болгарию. Самое сильное и волнующее ощущение: тут все знакомо, близко тебе, все родное, и ты, русский, советский, тут близок всем.

Когда Гитлер напал на Советский Союз, говорит автор, «все были потрясены, будто только теперь, а не два года назад началась мировая война». Болгарские монархисты и фашисты так и не осмелились объявить войну Советской России. Они были вынуждены считаться с историей, с традиционными чувствами болгарского народа.

Это чувство братской любви к нашей стране звучит во многих живых эпизодах и деталях книги. Вот один пример.

«Как обычно, быстрый и энергичный, с тросточкой,

которую он никогда не выпускал из рук, Но жаров шел по главной улице к себе на работу. Завидев высокую фигуру адвоката, кто-то из односельчан язвительно крикнул:

— Эй, бай Крыстю, похоже, что твоим русским придется чистить лошадей у немецких офицеров!..

— Никогда этому не быть! Не будут русские чистить немецких лошадей! — уверенно возразил старик. — А вот немцы русскую землю унавозят! Это должно быть ясно, как божий день, всякому, кто знает матушку Россию...»

Все в наше время большое: скорости, достижения, надежды, тревоги... Память народов о вчерашнем дне, о героической борьбе против коричневой чумы XX века — фашизма сегодня мешает тем, кто хотел бы развязать новую войну. Вот почему так нужны книги, правдиво свидетельствующие о дне вчерашнем.

Александр Адамович

## Грустные свидетельства

Р. Юнг. Ярче тысячи солнц. Повествование об ученых-атомниках. Сокращенный перевод с английского и предисловие В. Н. Дурнева. Москва, Атомиздат, 1960. 280 стр

Время, когда ученые казались чужаками и монстрами, прошло. Новое отношение к ним возникло в разных странах по-разному. В Соединенных Штатах, например, один физик выразился об этом так:

«До войны нас считали за людей, далеких от мира сего. Но теперь на нас смотрят, как на непререкаемые авторитеты во всех областях — от нейлоновых чулок до самых совершенных форм международной организации».

По-видимому, горечь этого высказывания происходит от сознания причин такой перемены: чудовищных бедствий, принесенных взрывами атомных бомб в Японии.

Только Хиросима и Нагасаки заставили обывателей увидеть в ученых не чудиков, надевающих правый ботинок на левую ногу, а людей серьезных, с которыми следует считаться. Это чего-нибудь да стоит...

Цитированное высказывание ученого приведено в книге американского писателя Р. Юнга «Ярче тысячи солнц». Это одна из самых страшных книг, какие довелось прочесть за последние годы. Там нет убийств, если не считать упоминания о Хиросиме и Нагасаки, там нет детективных ужасов, там нет трагической любви... Но там повествуется о вещах не менее мрачных.

Капиталистические власти при помощи без-

душных чудовищ, состоящих у них в услужении, превращают людей в организаторов убийств и в предателей. Кто эти превращаемые люди? Это люди, одаренные гениальным умом, поставившие целью своей жизни раскрытие законов природы и самоотверженно, не жалея сил, работающие для высокого дела. Они не интересуются ни карьерой, ни славой, ни благополучием, в их братстве «несть ни эллина, ни иудея» — все равны, если они преданы науке. Но оказывается, что именно эти люди могут быть использованы для изготовления самого чудовищного и самого гнусного оружия убийства, какое когда-либо создавалось на земле.

И вот начинается препариование ученых, их вивисекция, перед которой опыты уэллсовского доктора Моро — ничто. Властители делают их на семитов и арийцев. Первые бегут, потому что им грозит смерть. Вторые остаются, раздираемые угрызениями совести, отвращением, стыдом... Они, как повествует Р. Юнг, начинают действовать нелепым для ученого способом: стараются не открыть чего-либо, что могло бы способствовать созданию атомной бомбы. Они поставлены в те же условия, в какие Павлов ставил своих собак, когда ему надо было вызвать признаки неврастения: противоположные мотивы сшибаются в их сознании, цели нарочно не осуществляются. Начальниками над учеными поставлены тупицы, для которых наука с детских лет — только причина неприятностей.

Властители другой страны перехватывают тех, кто бегут от фашизма. Одного из замечательнейших физиков мира Нильса Бора они грузят как сверхсекретный материал в бомбовый отсек самолета. «Достаточно было одного поворота рукоятки, чтобы он был сброшен в море. В случае немецкой атаки так немедленно и было бы сделано».

В Америке их помещают в условия казарменного ре-

жима, окружают запретами, ставят над ними генерала, видящего в них дураков. И начинаются их моральные муки. Тут создается обстановка доносов, подозрений, слезки; обстановка дешевого детектива, которым занимаются существа, ничего не знающие, ничего не умеющие, искусные лишь в одном: выставлять всех негодяями, внушать честным людям, что они подлецы, и — если возможно — делать их подлецами, вернее, так подстраивать события и так подтасовывать отношения между подопытными людьми, чтобы те начали предавать друг друга.

Самое чудовищное начинается после победы над гитлеровскими полчищами, когда Япония была уже накануне капитуляции. Вдруг оказывается, что ее города будут подвергнуты атомной бомбардировке. Уже нет никаких оснований продолжать возню с атомными бомбами, уже можно, наконец, заняться мирным научным творчеством, но военные работы продолжают, ученые остаются в ловушке Пентагона, душевная раздвоенность их достигает предела... Генералы и заплечных дел мастера смеются над их колебаниями, их спорами, их неуверенностью, над их попытками как-то оправдать свои поступки или как-то предотвратить дальнейшее развитие событий...

Тут и возникает Пах. Неважно, какова его настоящая фамилия, сын ли он русского попа или не сын, красивый ли он брюнет или обаятельный шатен... В книге чехословацкого писателя Ярослава Путика «Совесть»<sup>\*</sup> сообщается, что он был учителем физкультуры, прославился многочисленными любовными авантюрами, поступил в американскую разведку и там получил признание после одной операции во французской зоне оккупации. Операция состояла в том, что Пах украл у французских властей для американских



властителей несколько «высокоценных объектов», в том числе:

1. Отто Гана, открывшего совместно с Ф. Штрассманом деление атомных ядер урана под действием нейтронов;

2. Макса Феликса Теодора Лауэ, открывшего дифракцию рентгеновских лучей и положившего начало новому направлению в физике рентгеноструктурного анализа, лауреата Нобелевской премии 1914 года.

Наряду с такими «удачами» в области науки в досье Паха имеются и глупейшие провалы и странные, на первый взгляд, промахи. Как, впрочем, всегда бывает у любых служащих животных, пусть даже отлично дрессированных. Писатель Путик допускает ошибку, считая, что «по убеждениям Пах... относится к самой реакционной группе правых». Дело в том, что у Паха и ему подобных (из широко известных можно вспомнить Дантеса, Мартынова) не бывает и не может быть убеждений, у них есть только рефлексы алчности. В противоположность обезьянам человекообразным их надо отнести к обезьянам «человековидным», причем весьма часто, по иронии природы, они имеют даже черты красоты, за которой не всякий может уви-

деть, что они только питеки<sup>\*</sup>.

Главные особенности питеков очень удобны для использования их в качестве служащих животных. Как все животные, они не реагируют на страдания себе подобных. Поэтому из них составлялись своры эсэсовцев, ими комплектуются банды парашютистов в Алжире. Это они сажали обнаженного человека на бутылку и нажимают на его плечи. Им же принадлежит честь применения электротока для воздействия на половые органы людей: человек сходит с ума от боли, и не остается никаких следов истязания... В пределах предложенной им узкой задачи питеки проявляют некоторую инициативу, однако без кнута и пряника превращаются в неуправляемые системы, опасные даже для их владельцев. Очень удобна их «храбрость», то есть отсутствие страха, происходящее от редукции воображения.

Автор просит читателя простить его за отступление, но эпизод, который он собирается привести, может лучше всяких рассуждений характеризовать этих, с позволения сказать, «людей» и объяснить ненависть, которую они возбуждают, будучи узники.

В дневнике известного русского литератора, академика А. В. Никитенко за 1876 год есть такая запись из Шинцнаха, курорта в Швейцарии:

«(Июнь) 20. Воскресенье. Проходя под колоннадой кургауза, я часто встречаю человека, наружность которого меня постоянно поражает своей крайней непривлекательностью. Во всей фигуре его что-то наглое и высокомерное. На днях, когда мы гуляли с нашей милой знакомой М. А. С. и этот человек нам снова встретился, она сказала: «Знаете, кто это? Мне вчера его представили, и он сам мне следующим образом отрекомендовался: «Барон Геккерен (Дантес), ко-

<sup>\*</sup> См. «Иностранную литературу», №№ 1, 2, 1961.

<sup>\*</sup> От греческого *pithekos* — обезьяна.

торый убил вашего поэта Пушкина». И если бы видели, с каким самодовольством он это сказал, — прибавила М. А. С., — не могу вам передать, до чего он мне противен!»

Да, несомненно, питеки жили и живут среди нас. Они без надбровных навесов и без четырех рук, они с шиком носят костюмы, и особенно мундиры, в пределах своих возможностей они могут «обаять», особенно дур... Холод проходит между лопатками у людей, когда вдруг питеки оказываются рядом.

Питеки ничего не любят, хотя и алчут, ничего не ненавидят, хотя и убивают... Впрочем, есть одна ненависть и в них. Это — их единственная, пожирающая их нутро, останавливающая их дыхание, подлинно звериная страсть: ненависть к людям творчества. Если они не могут сразу перегрызть им шейные позвонки, они будут поступать так, как поступал Пах с Робертом Оппенгеймером.

Властителям стал неудобен Оппенгеймер. Они видели в нем человека прогрессивных взглядов, не чурающегося даже коммунистов, кроме того, они заподозрили в нем совесть. Может быть, это тяжкое подозрение возникло тогда, когда, придя к Трумену после Хиросимы и Нагасаки, ученый расплакался и в бессильной ярости стал проклинать свои руки, создавшие атомную бомбу. Способен к раскаянию? Способен к сомнению? Хлюпик? Значит, опасен.

Может быть, тогда, а может быть, и раньше, было прошептано: «Пах, возьми!»

Так встал против ученого человека обученный питек.

Независимо от того, каков был Оппенгеймер — был ли он добр или нет, тверд или нет, легкомыслен или нет, — он был Человек! Открыватель, мыслепроходец, труженик. Уже в 24 года, когда Пах гусарствовал среди проституток и разведчиков, он вместе с Максом Борном разработал теорию строения двухатомных мо-

лекул, именем Оппенгеймера и Филипса назван процесс, проходящий при соударении дейтронов с атомным ядром. Работы по гамма-лучам, по каскадной теории ливней, по образованию пара и другим вопросам физики микромира принадлежат Роберту Оппенгеймеру, но это не имеет никакого значения для Паха. Его интересы далеки от тайн строения вещества. Его специальность — подозревать.

«— Подозревать можно каждого, — говорит он со смаком, —...даже Эйнштейн не является святым».

И со смаком Пах рассказывает о том, как он и его свора рыскали за ученым, применяя все хитрости своей жалкой «науки».

«Мы решили сделать Оппенгеймера своим сотрудником, чтобы постепенно компрометировать его до тех пор, пока он не станет обыкновенным доносчиком, перед которым навсегда будет закрыта возможность вернуться в свой круг». «Эту операцию начал полковник Лэндсдейл...» «Рыбка клюнула». «Мы знали, что он от нас никуда не уйдет».

Пока ученый продирался к тайне атома, создавал лаборатории, объединял усилия исследователей, а в часы досуга изучал для развлечения санскрит, — полковники и капитаны паховского подразделения подслушивали, магнитофонили, провоцировали, пугали, заманивали и, наконец, заставили его наговорить вздора о своем лучшем друге — Хааконе Шевалье, т. е. сделали, наконец, предателем. Ведь для питеков Оппенгеймер был только «рыбкой», которая должна «клюнуть»!

Впрочем, не совсем так, не только рыбкой! Ученый, конечно, знал, что они ползут за ним, нюхают его следы, путают его пути. Возможно, он не представлял себе, как они опасны, но он хорошо видел, как они тупы, их наседания были несносны, но вместе с тем и смешны.

И он издевался над ними. Для полковников и капита-

нов это было хуже выстрелов, хуже гауптвахты. Питеки считали, что их занятия — самые важные на свете, они хвастались, что их каста и есть государство... И вдруг — этот высококолюбий смеется!

«От его язвительных нападков инструкции органов безопасности превращались в фарс!» — скрежетал Пах, заканчивая свою речь на суде над Оппенгеймером.

Их инструкции! Их «творчество»! Их авторитет! На какие-то минуты даже их обезьяньи мозги вдруг понимали всю свою ничтожность перед мыслительным аппаратом ученого. И тут уж в них возникали бешенство, злоба, ярость, и ученый был обречен.

Ярослав Путик, представитель страны чистых душ, страны творцов и тружеников, где, встречаясь, люди приветствуют друг друга словами: «Честь труду!», написал свою книгу «Советь» со всей ненавистью создателя к питекам — к дантесам и пахам.

Оппенгеймер был осужден. В 1953 году он был снят со всех правительственных постов и обвинен в «нелояльности», в «симпатиях к коммунизму». Он был против создания водородной бомбы, выступал за применение атомной энергии в мирных целях. Как видно, столь широко рекламируемая демократия идей и действительность, в условиях которой живут ученые США, — разные вещи!

Советские читатели знакомы со многими произведениями зарубежной литературы об ученых, о положении науки на Западе. Вспомнить хотя бы роман Дж. Дайса «Крупная игра»\*, который рассказывает о том, как «американский образ жизни» превратил талантливого ученого в администратора, и целью его стало не искание истины, а поиски благополучия.

И в США, и в некоторых других капиталистических

\* См. «Иностранную литературу» №№ 1, 2, 3, 1960.

странах, где наука стоит на большой высоте, есть немало замечательных ученых, которым человечество обязано многими великими открытиями. Однако они работают не благодаря, а вопреки режиму. Наука там не стала всенародным делом, она там — не всеобщая любимица, как у нас, в ми-

ре социализма. Если ею и интересуются люди рядовые, то скорее со стороны всевозможных сенсаций. Пропаганда же там использует науку главным образом как орудие страха перед будущим, страха перед коммунизмом.

Борис Агапов

### Это было в Праге

Ян Отченашек. Ромео, Джульетта и тьма. Перевод с чешского В. Петровой. Предисловие И. Зузанека. Москва, «Молодая гвардия», 1960 г. 122 стр.

Маленькую повесть «Ромео, Джульетта и тьма» талантливого чешского писателя Яна Отченашека читаешь не отрываясь. Да она и написана как будто бы на одном дыхании, вся, как песня о трагической любви двух юных сердец, о любви, которая сверкнула в непроглядной тьме, окутавшей в годы второй мировой войны многие европейские страны и города. Несложен сюжет этой повести. Трагична судьба героев. Чешский юноша, почти мальчик, встретился в оккупированной немцами Праге с еврейской девушкой по имени Эстер, спас ее от смерти и полюбил. Но тьма все-таки поглотила ее. Вот, собственно, и все. Печальная история современных Ромео и Джульетты, подстерегаемых со всех сторон фашистскими оккупантами и их соглядатаями.

Единственное убежище Павла и Эстер — тесная комната-коробка в старом пражском доме. Пять шагов туда и пять обратно. Но и оно ненадежно. Разве можно за этими стенами укрыться от тьмы? Укрыться, не слышать хриплых выкриков, долетающих с улицы, свистков, пьяной ругани и угроз, беспорядочных выстрелов, плача детей, разбуженных среди ночи, топота кованых сапог. И в комнатку Павла, из тьмы на свет, уже заглядывают через мутные стекла чьи-то подстерегающие глаза, чья-

то не знающая жалости рука рисует мелом на дверях каморки шестиконечную звезду. В конце концов гонимая страхом Эстер сама бежит из своего убежища на улицу, прямо под пули фашистских патрулей. Она предпочитает погибнуть, чтобы не подвергать смертельной опасности любимого человека.

Все это случилось в разгар войны. Шел 1942 год, когда Павел привел в каморку на окраине Праги спасенную им девушку. В том же году и почти в то же самое время на другом конце Европы 13-летняя Анна Франк поднялась в «убежище» на чердаке амстердамского дома, где голландцы целых двадцать пять месяцев скрывали и все-таки не смогли спасти семью Франк от гестаповских ищеек.

Мне вспоминается печальный и суровый рассказ русского советского писателя Валентина Катаева «Отче наш» о том, как еще в одном уголке мира, в оккупированной Одессе, блуждала по улицам города молодая женщина, ведя за руку усталого, замерзшего ребенка. Стоял жестокий мороз, небывалый даже для северных городов и тем более для Одессы. Но женщине с ребенком нельзя было возвращаться домой. Она кружила по городу, избегая наиболее людных улиц, совсем как Эстер, надеясь уйти, укрыться, чудом вырваться из



кольца облаты. Это маленький рассказ, всего несколько страничек. Но его трагические краски так густы, так правдивы, что для меня он стоит в ряду самых сильных произведений о минувшей войне.

В те годы мы еще не знали во всех подробностях, какие трагедии разыгрывались в занятых гитлеровцами странах — за колочей проволокой концлагерей, в потаенных каморках, где заживо замуровывали себя преследуемые фашизмом люди. Будущее целых народов решалось тогда на Волге — у стен Сталинграда, в предгорьях Кавказа, в битвах за Украину. О трагических судьбах жертв фашизма рассказали после войны не только те, кто вышли живыми из лагерей смерти, из погребов и подвалов, но и те, кто были сожжены в печах крематориев, расстреляны и замурованы гестаповцами. Это от их имени говорят сегодня книги многих писателей мира.

Как ни различны произведения, о которых я вспомнил, читая повесть Яна Отченашека, есть между ними и нечто общее. Рассказывают ли они о трагедии матери, преследуемой фашистами, о детях, которых война лишила детства, о бедных влюбленных, разлученных тьмой, — их объединяет одна простая и ве-